

Александр НИКОНОВ

Огонек.

Распространяется только в розницу

О Глазунове я и раньше слышал. Потому что это довольно известный гениальный художник современности. Когда мы договаривались о встрече, титану даже не нужно было называть номер квартиры. Глазунов сказал просто: «Новинский бульвар, дом 13». Дом 13 — уютный двухэтажный особняк, окруженный железным забором и охраняемый двумя милиционерами. Когда мы с фотокорреспонденткой Наташей позвонили в калитку, из будки вышел милиционер с папкой и начал сверять наши фамилии со списком приглашенных. После чего мы степенно прошествовали к подъезду.

Нас встретил сам хозяин — художник Глазунов. Несмотря на то, что в 2000 году ему стукнет 70 лет, Глазунов выглядел вполне крепеньким. Он был одет просто, по домашнему, и, как подобает хозяину, сразу же предложил гостям откушать чаю. Пока нас вели в залу, меня так и подмывало спросить, почему художник поселился в музее и отчего нам не выдали мягкие войлочные тапки.

Радужный хозяин дворца предложил нам шей или борща, но по скромности мы решили ограничиться коньяком «Хенnessи» и чаем с бутербродами. Вот тут и выяснилось, что на самом деле во дворце Глазунов вовсе и не живет. Вернее, не спит, поскольку почивать предпочитает в загородной резиденции, куда вскорости и отправится. И вообще это не дворец, а... Здесь Глазунов несколько задумался, пытаясь найти лучшую дефиницию зданию:

— Я не знаю... Представительство ректора Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

А он, Глазунов, просто ректор. Наливая нам коньяк, Илья Сергеевич сказал, что как ректор получает от государства 40 долларов зарплаты.

— Как же вы живете, Илья Сергеевич?

Оказалось, Глазунов вынужден продавать свои картины. Ему заказывают, и он рисует за деньги.

Еще при входе я обратил внимание, что вокруг Глазунова все время перемещались две девушки.

— Вера, моя дочь. А это Инна, — представил их Глазунов.

«Наверное, секретарь», — подумал я, потому что Илья Сергеевич все время кричал: «Инна! Инна!» — и просил чего-нибудь принести: то книжку, то коньяк, то пепельницу. В такие моменты он был похож на большого ребенка. Это выглядело довольно трогательно.

— А Инна, она кто? — на всякий случай уточнил я диспозицию, чтоб как-нибудь ненароком не обидеть человека.

— Инна... Как вам сказать... — Илья Сергеевич на мгновение смутился, но сразу же взял себя в руки и твердо посмотрел в мои бессовестные глаза. — Инна — женщина, которую я люблю. А она любит меня.

Женщине, которую любит большой художник Глазунов, я сразу не понравился. Сначала своей излишней скромностью. Когда она поинтересовалась, какой коньяк принести, я, чтобы не вводить хозяев в излишний расход, ответил: «Да какой не жалко». И этим смертельно обидел девушку Инну. От обиды она принесла действительно «какой-то» украинский коньяк и лишь потом, по настоянию Ильи Сергеевича, выкатила «Хенnessи». Несмотря на глубокое чувства, питаемые к ней художником, Инна называет Глазунова по отчеству и исключительно на «вы». Думаю, я очень не полюбился пафосной Инне не только своей скромностью, но и... развязностью, за которую она посчитала мою природную естественность и веселый нрав. Инна отчего-то решила, что я неподобающе веду себя с великим художником современности.

— Илья Сергеевич — великий художник, — рубила мне правду-матку Инна, ничуть не стесняясь присутствия самого Ильи Сергеевича. — А как вы себя с ним ведете? Илья Сергеевич! Не тратьте время на интервью! Вам пора работать.

— Могу уделить вам пять минут, — сухо проговорил Глазунов.

Проговорили мы больше часа. Самостоятельный мужчина!

Мне кажется, Инна полагала, что я плохую статью напишу о Глазунове, ругательную.

Можно сказать, что Инна и Илья Сергеевич нашли друг друга. По сердцу друг другу легли. Ведь и сам Глазунов человек пафосный до наивности. Он, например, всерьез меня уверял, что все русские цари — гении. Он и себя считает гением... Но с другой стороны — наивность есть одно из свидетельств гениальности, не правда ли? Все гении наивны, но не все наивные гении.

Гаясь с шипением сигареты, Глазунов долго возмущался, что в юбилей Пушкина на телевидении было много шуточных передач про гения русской поэзии.

— А что, над Пушкиным уже и пошутить нельзя? — проявив некоторую наивность (свидетельство сами знаете чего), спросил я.

— Если бы вы при мне пошутили над Пушкиным, я бы вас выкинул за дверь, — серьезно ответил Илья Сергеевич.

Вот над Пушкиным только я и не успел пошутить. А то б не уви-

дел картины, ради которой пришел... Мы поднялись по мраморной лестнице на второй этаж, и там, в большом зале, я увидел Ее. Глазунов поставил в нескольких метрах от холста кресло, усадил меня перед картиной и велел осматривать. Во время осмотра сзади играла протяжная музыка и пел церковный хор. Я не скрывал восхищения.

— Вот это да! А откуда вы взяли такой большой холст? Ведь промышленность не выпускает ткань подобных размеров.

— Сшили из нескольких, — просто ответил гений, как о чем-то само собой разумеющемся.

— А где стремянка? Как вы доверху добрались, чтоб под потолком рисовать? — я задрал голову к высоким потолкам особняка.

— Никаких стремянок! Леса были построены... Вот смотрите, большевики вошли осквернять храм. Во главе комиссар.

— На Свердлова похож. Это случайно или вы на Свердлова намекнули?

— Нет, просто типаж такой комиссарский... Вот они ввели проститутку для осквернения храма. Дальше лошади. Тоже чтобы осквернить. Об этом все пишут, что лошадей вводили для осквернения...

— Не вижу. Где лошади?

— Вон, налево смотрите.

— Я туда и смотрю.

— Вон люди с коронами на голове, рядом лошади.

— Это поросенок.

— Нет, там и лошади есть, выше ищите... А поросенка тоже внесли, чтобы осквернить храм. На картине представлены все сословия. Вон там юродивые. А этот «Изыдите!» говорит. Там икона...

— Про проститутку еще расскажите подробнее, пожалуйста, я послушаю.

— Ну в алтарь ее введут для осквернения. Ведь в алтарь женщин не пускают... Это кощунство... Для пущего осквернения в чашу многие испражнялись. Вон чаша...

— А почему так много народу?

— Так в церкви обычно много народу. Бывает и больше.

...А еще на грядущей выставке Глазунова будет выставлена картина, которую он пока еще не дорисовал. — «Рынок нашей демократии». Так и называется. Но она, правда, чуть поменьше «Разгрома храма...»

Наполнившись впечатлениями от большого, во всех смыслах, искусства, я направился к выходу. Глазунов демократично пошел меня провожать. Он мне очень понравился. Я пожал его теплую руку и честно сказал, глядя в патристические глаза:

— Интересный вы мужик.

— Я не мужик, — поправил Глазунов. — Я дворянин.

Ах, в этом весь Глазунов!..